

А.Ф.Борун

Самангелы

18+

Александр Борун
Самангелы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Борун А. Ф.

Самангелы / А. Ф. Борун — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вы - честный политик (как ни смешно такое сочетание). И к вам на приём пришёл, ну, допустим... волшебник. Которому, как он говорит, нужна помощь политика. Именно честного. Взамен он обещает целую Вселенную, нет, две Вселенных! Попав в такую ситуацию, нелишне вспомнить о сыре и мышеловке.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Александр Борун Самангелы

Как этот посетитель прошёл к ней в кабинет, Уля¹ не поняла. Секретарша, пусть она и работает на общественных началах, не должна была его пропускать. Обёрнутый чем-то вроде древнеримской тоги молодой человек с глазами навывкате, в которых плескалось безумие, с полной громадного чувства собственного достоинства тихой речью – совершенно непонятно, как он прошёл мимо Риты. Хорошо ещё, если это у него тога, подумала Уля. Сперва ей показалось, что это какая-то занавеска. И что, вполне вероятно, под ней у него ничего нет. Тем более, что он босиком. Пусть занавеска алая, бархатная и расшитая золотой нитью. Но большая золотая с рубинами, сапфирами, изумрудами и бриллиантами пряжка, так и брызгавшая острыми разноцветными лучиками – как её? фибула? – скреплявшая на плече это одеяние, версию о занавеске опровергала. Всё равно, как ни крути, это был наряд сумасшедшего. Или актёра в роли древнего римлянина, но даже те ходили, по большей части, в сандалиях. Да и что делать в её кабинете актёру в сценическом образе? Тут что, театр?

– Как вы сюда попали?! – возмутилась Уля. Возмущение было больше показное: она давно привыкла, что люди идут со своими проблемами – и, по большей части, с такими, с которыми нужно идти совсем не к ней. Им-то откуда это знать? С другой стороны, нельзя же относиться к такому беспардонному вторжению как совсем обычной вещи.

Посетитель слабым движением кисти отнёс вопрос как совершенно несущественный.

– Я принёс тебе благую весть! – негромко, но очень внушительно провозгласил сумасшедший, без спроса садясь напротив неё, так что их разделял только её стол.

И она моментально забыла о своём риторическом вопросе.

Для того, чтобы так усесться, этот псих проделал нечто до предела странное. Вернее, даже не он проделал – оно как-то взяло и сделалось.

Он пошёл от двери прямо к ней, а за ним сам собой двинулся стул, стоявший у стены, тот, что был ближе всех к двери. Ехал он не рывками, в такт шагам человека, как было бы, если бы тот подцепил его какой-то крючочком с тонкой малозаметной верёвочкой, а плавно, как бы совершенно по собственной воле. Но, поскольку это на самом деле был блок из четырёх стульев, все они за ним и поехали, перекошенной шеренгой, с выбранным стулом впереди. Скользили легко, не громыхая по паркету: стулья в этом кабинете двигали часто, и на их ножки были предусмотрительно наклеены мягкие наконечники.

Но это ещё походило на ловкий фокус, а вот дальше началось нечто совсем запредельное. На пути психа был длинный обставленный стульями стол для совещаний, примыкающий торцом к середине её стола. Этот стол при приближении безумного посетителя раздвинулся сам собой на две продольных половины, отодвигая и стулья. Как будто состоял с самого начала из этих двух половинок, состыкованных продольно. Хотя Уля точно знала, что это не так. Да и какая разница, так или не так, если при расползании в стороны половины дубового стола изгибались, как резиновые? А когда остановились, освободив проход, не стали падать, хотя у каждой из них был только половинный комплект ножек? Меж тем стулья, те, что ползли за посетителем, наткнулись на края обеих половинок длинного стола – образовавшийся проход был рассчитан на один стул, а не четыре. Посетитель не обернулся и, казалось, вовсе не обратил внимания на помеху, но стулья мгновенно разъединились, точно так же, как стол. И выбранный стул на двух левых ножках въехал в проход, а остальные остались стоять на двух правых, расположенных на краю всего бывшего блока стульев. Мебель, заразившаяся от посетителя безумием, и не думала падать или хотя бы перекашиваться. Выбранный стул устоял на левых ножках, когда

¹ Ульяна Августовна Изголыгина, функционер партии «За местное самоуправление», народное название – самоуправцы.

на него безмятежно уселся этот псих, остальные три на правых – тоже, хотя уж их-то он точно не придерживал.

– Что вы... что вы делаете? – растерялась Уля. Фразу посетителя она пропустила мимо ушей, занятая мыслями о том, что и секретарше этот гипнотизёр, должно быть, показал какой-нибудь фокус, а также о том, с какой просьбой мог к ней явиться столь оригинальный тип, которому, согласно выбранному им сценическому образу, не нужно ни к кому обращаться ни с какими просьбами. Даже мебель послушно выполняет его желания. С другой стороны, сама она – не мебель. И бюрократы, с которыми ей приходится иметь дело, не все имеют дубовые головы. Наверное, он не смог получить разрешение на выступление в оригинальном жанре в каком-нибудь большом зале – при этой кормушке имеется своя чиновничья кодла, и общая, и при каждом зале. Тогда он зря припёрся – Уля не имеет к этим людям отношения и не обладает никаким влиянием на них. Возможно, она могла бы через каких-нибудь знакомых приобрести парочку билетов на концерт, но не больше.

«Римлянин» понял, что она его не услышала, отвлечённая получившимся представлением.

– Ну вот, – огорчился он, –ходишь как нормальный человек – не принимают всерьёз,ходишь так, чтобы сразу показать, кто ты есть – принимают слишком всерьёз. И хоть так, хоть этак – совсем не слушают. Даже смешно. (Никакого веселья в его голосе не было, скорее, он выражал досаду). Не волнуйся ты так, это всё ерунда, легко вернуть как было. Лучше послушай. Я принёс тебе благую весть. Ты избрана, чтобы присоединиться к нам. Такое предложение – очень большая редкость! (Уля молчала, ещё не сформулировав новых вопросов, но, видимо, на взгляд посетителя – молчала как-то отрицательно). Вот вижу, ты меня опять не слушаешь, наверное, хочешь, чтобы я рассердился. Но тогда все эти фокусы, – он демонстративно бросил по взгляду направо и налево, на раздвинувшийся стол, – покажутся детскими цветочками. Ты этого хочешь?..

Не успела она ответить, как всё исчезло, сгнули половинки стола для совещаний, плоскость её собственного стола испарилась из-под рук, распахнулись и куда-то исчезли стены и улетел потолок кабинета... Пространство раздвинулось во все стороны,вширь, ввысь, и даже в направлении вниз: они оказались на вершине горы. Не на пике, но почти – на остром гребне, по правую сторону от которого начинался почти отвесный, как показалось Уле, склон в глубокое ущелье, а по левую – не такой вертикальный, но тоже под большим наклоном – примерно как эскалатор в метро – спуск в... кратер вулкана.

Причём этот вулкан как раз сейчас извергался. К счастью, вулканические бомбы из него не летели, пепел и газы тоже, только сверху нависала большая чёрная туча, свидетельствуя о том, что недавно всё это могло быть. Сейчас извержение шло в виде раскалённой лавы. Но и лава пока тоже им не угрожала, она текла из кратера в другую сторону: недалеко от них – за спиной у психа – в стенке кратера, на гребне которой они, оказывается, находились, было относительно низкое место, или даже пролом. Но жидкий камень и так, на расстоянии, обжигал тепловыми лучами лицо и кисти рук, будучи в самых горячих местах даже не красного, а жёлтого цвета. Уля поспешно спрятала кисти рук в карманы пиджака, а лицо отвернула от кратера, в сторону ущелья, вынужденная глядеть на посетителя искоса.

К счастью, стулья, на которых они сидели, не исчезли вместе со всем кабинетом. Или, вернее, вместе с их задницами исчезли из кабинета, оставшегося неизвестно где, когда они перенеслись вместе со стульями на вулкан. Это было очень хорошо, что стулья за ними последовали, а то, оказавшись в положении «сидя на воздухе», легко было бы булькнуть в кратер и с шипением там испариться, или скатиться кувырком в ущелье и там разбиться вдребзги.

Уля испуганно оглянулась. Сзади неё ничего страшного не было. Там продолжался край кратера. Так что главное было – не падать вправо или влево. А вот психу следовало бы поза-

ботиться ещё о том, чтобы не падать назад. Но он совершенно не обращал внимания на то, что лава у него не с одной стороны, а с двух.

– Осторожно! – воскликнула Уля, – у вас сзади тоже опасность!

– И опять ты не о том, – удивился псих. – Ну уж к этому-то моменту ты должна была понять, что лучше меня не сердить?

– Не понимаю, – удивилась и Уля, – что я плохого сказала? Наоборот, предупредила вас об опасности...

– Я желаю обсуждать с тобой ту тему, с которой пришёл, – веско произнёс псих, кладя ногу на ногу и предъявляя, к очередному Улиному удивлению, подошву с совершенно не загрубевшей кожей никогда не ходившего босиком человека. Тем более, по горам и вулканам. – А ты всё время отвлекаешься на второстепенные неважные обстоятельства. Будешь ты меня слушать, наконец, или я ещё больше огорчусь, и мы сейчас же попадём в ещё более неуютное место, э?..

Уля поняла, что в отношении этого психа действует общее правило «не возражай сумасшедшему!». В конце концов, если он не хочет слушать предупреждений, и из-за этого навернётся в лаву (кстати, стул-то у него по-прежнему стоит на двух левых ножках!), она окажется, возможно, не в большей опасности, чем сейчас, когда он может скинуть её туда сам, если ему что-то придётся не по нраву. Непредсказуемо, ни с того, ни с сего. Правда, непонятно, как отсюда слезать в ущелье и есть ли из него выход к каким-нибудь обитаемым местам. Ясно только, что пробираться по ущелью нужно не в ту сторону, где в него лава течёт, а в противоположную. Или неясно? Вдруг там как раз вообще выхода нет, тупик, а мимо лавы, уже несколько остывшей в ущелье, как-то по стеночке пробраться можно? Если там ущелье широкое. Главное, спуск найти... Но пока что он не свалился, и лучше постараться его не раздражать.

– Извините, я не сразу поняла, – сказала она вежливо. – Конечно-конечно, я готова вас выслушать. Вы сказали, что я куда-то избрана, но пока не объяснили, куда.

– Я сказал, куда – присоединиться к нам, – возразил псих. – А по моему поведению ты уже могла догадаться, к кому это – к нам. Мы – по вашей терминологии, волшебники. Маги, колдуны, и так далее. Но я могу объяснить подробнее, тем более, что ты могла придумать и другие варианты: гипнотизёры, фокусники... – он выразительно скривился. Видимо, гипнотизёров и фокусников взаправдашний волшебник ни в грош не ставил.

Неожиданно оказалось, что они опять в кабинете. Правда, стол по-прежнему пребывал в расщеплённом состоянии, и разъединённая четвёрка стульев – тоже, но ведь это такие мелочи! Главное – они на Земле, в Москве, в известном ей месте, а не неизвестно где. Уле показалось, что в кабинете очень холодно. То ли по контрасту с близкой лавой, то ли их исчезновение и появление каким-то образом охладило воздух. Что-то такое было в каком-то фэнтези... Она опять сунула в карманы вынутые было оттуда руки.

– Колдуем мы не сами по себе, усилием воли. Так это не работает. Мы обращаемся к особой энергии Вселенной. Можно назвать эту энергию магической, в вашей терминологии. За давностью лет неизвестно, кто научился делать это первым, и как. Сейчас новые волшебники появляются только таким путём, что любой из нас может научить это делать обычного человека. Никакого насилия над личностью, просто открывает свои мысли и показывает. У нас вообще нет никакого насилия над личностью, – с гордостью провозгласил псих. Или, вдруг, не псих?!

– Подчёркиваю – только таким путём. Самостоятельно давно никто научиться не может. То ли в структуре вселенной что-то изменилось, то ли этот, первый маг был таким редким талантом, который больше не повторяется. И это хорошо. Потому что мы инициуем новых волшебников очень редко, – продолжал он. – Нас и так многовато скопилось. Ведь мы, разумеется, бессмертны. Настолько многовато, что это порождает трудности и проблемы. И физики с математиками пока что не смогли их преодолеть. Вот поэтому некоторые из нас, а именно, я и

двое моих друзей... не то чтобы друзей до гроба, тем более такого у нас и не бывает, я имею в виду, не бывает гроба... но, по крайней мере, союзников в данном вопросе... троих, надо сказать, вполне достаточно для действий, потенциально затрагивающих всё наше сообщество... в частности, для приглашения в него нового человека... Мы решили попробовать привлечь к преодолению этих трудностей и проблем профессионального политика. До сих пор их среди нас не было. Конечно, годился не всякий политик, наоборот, подавляющее большинство из них к такому могуществу нельзя и на пушечный выстрел подпускать, но ты показалась нам достаточно добросовестным человеком, ты ведь попала в политику из науки достаточно случайно, подчиняясь, вероятно, повышенному чувству ответственности... и ещё не успела, так сказать, профессионально деформировать себе совесть. Так что ты – редкий политик, который не будет в любой ситуации прежде всего искать личной выгоды...

Уля загордилась было, но ту же одёрнула себя: слишком непонятная ситуация, чтобы всерьёз воспринимать оценку каких-то неизвестных. Неясно, прежде всего, в порядке ли у них с психикой. Если даже допустить невероятное – что это всё не гипноз и не действие какого-то незаметно подброшенного наркотика, и волшебники они настоящие, это не значит, что они одновременно в здравом уме. Может, большинство из них вообще ничего не соображает, как струльбруги у Свифта. Ведь бессмертие, наверное, располагает к такому. Кроме того, из загадочности ситуации следует, что и польстившая ей, как политику и как человеку, оценка может оказаться неискренней, высказанной только для того, чтобы побудить её к каким-то действиям. Проще говоря, рассчитанной, хоть и грубой, лестью. Лучше пропустить мимо ушей. А то заслушаешься этого лиса и сыр выронишь.

– А в чём именно состоят упомянутые вами трудности и проблемы? – спросила Уля. – Может, я не смогу с ними справиться?

– Может, – согласился посетитель. – Такой риск, естественно, присутствует. Но, на взгляд нас троих, он оправдан, потому что и шанс тоже есть. На самом деле всё ещё хуже. Ты легко можешь догадаться, что, раз проблемы связаны с перенаселённостью, появление ещё одного мага только усугубит их. Причём это необратимое действие. Но, повторяю, есть шанс, что мы не видим какой-то иной тактики, которая могла бы привести к успеху. Тактики в области политики как раз. Пока что никакими мерами, принятыми в нашем сообществе, мы не смогли добиться полного прекращения поступления к нам всё новых членов. Может, тут требуются какие-то политические мероприятия? Или реклама? Хитрая непрямая пропаганда? Прямые призывы мы пробовали в самом начале.

– Вы сказали очень много, – отметила Уля, – и за все эти сведения большое вам спасибо, но на мой вопрос вы не ответили. Или я его так плохо сформулировала, что его смысл трудно понять. В чём же всё-таки состоят ваши трудности? Я поняла, что они обусловлены перенаселённостью, хотя я не думала, что такая проблема может появиться у людей, с лёгкостью, и даже, возможно, произвольно мгновенно преодолевающих гигантские расстояния, как я только что видела. Но я так и не услышала, какие именно трудности вы призываете меня преодолеть?

Посетитель замялся. До сих пор он за словом в карман не лез, и Уля приготовилась выслушать уклончивое недостоверное описание. Но она ошиблась относительно уклончивости посетителя. В лучшую сторону. Он сперва затеял дискуссию на тему «а стоит ли вообще рассказывать».

– Мне не хотелось бы до получения твоего согласия вступить в наше общество слишком подробно тебя о нём информировать. Это сведения не для обычных людей, – сказал он. – Я понимаю, что это выглядит немного смешно. Кажется, никаких последствий сообщение таких сведений иметь не может. Ну, допустим, попытаешься ты их распространить, и что? Тебе просто никто не поверит. Даже если бы ты снимала наше посещение вулкана, и если я уйду, не восстановив твою мебель в прежнем виде. Съёмки вулкана ничего не докажут, мало ли откуда ты их взяла, любую мебель можно легко изготовить. Но некоторым из нас, и, боюсь, эта катего-

рия довольно многочисленная, смешно не будет. У них, понимаешь ли, мания преследования на тему скрытности. В истории были периоды, когда кто-то из нас открывался людям, изображал богов, пытался руководить и вести к процветанию, но ничем хорошим это никогда не кончалось. Вмешивались другие «боги», тоже желавшие людям добра, и не одобрявшие методов, которые применяли первые, или даже не методов, но каких-то из последствий их применения, пытались воспрепятствовать... Про битву богов и титанов древние греки не на пустом месте рассказывали. Вернее, именно на пустом месте: после этой битвы довольно страшный пейзаж образовался... Неважно, это уже частности. В общем, практику вмешательства давно прекратили. По вашим меркам давно, разумеется, я стараюсь в беседе с тобой применяться к твоему ограниченному восприятию действительности, в частности, промежутков времени. По нашему восприятию это было совсем недавно. С тех пор не то чтобы кого-то принудительно назначили следить за Землёй, во избежание таких попыток, у нас никакого принуждения нет, но многие делают это добровольно. А с возникновением упомянутых проблем следить стали ещё пристальнее. И мне, поверь, не хотелось бы вызываться добровольцем, если будет формироваться группа расследования факта утечки секретных сведений и принятия мер по этому поводу, включая, скорее всего, чистку памяти, а то и ликвидацию болтунов. Не люблю кого-то убивать, и уж совсем ненавижу вторгаться в чью-то личность. А, с другой стороны, вызваться придётся, чтобы не напортачили ещё больше и ограничились минимальным количеством людей. Нет-нет, в таком случае умыться руки и отстраниться, сделав вид, что я ни при чём, было бы с моей стороны нехорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.